

НАТАЛЬЯ КУВАЕВА

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

ПОДОРОЖНИК

Траву, что среди лебеды и бурьяна
Почти никогда не видна,
Колдунья засушит для сна и дурмана,
Хлебнув золотого вина.

Засушит в проёмах чердачных окошек
В назначенный древними час.
Укроет потом в переплётах лукошек,
Тая от завистливых глаз.

Чтоб после готовить любовное зелье
И самый испытанный яд.
Попробуй — узнаешь шальное веселье,
Когда потускнеет закат.

Всю ночь прогуляешь беспечным и пьяным,
Блуждая в высокой траве.
И где-то на дальней заветной поляне
Уснёшь в одинокой копне.

КУВАЕВА Наталья Леонидовна родилась в небольшом посёлке в Вологодской области. В 14 лет с родителями переехала в Сургут, где окончила среднюю школу и Сургутский государственный педагогический институт. Первое стихотворение написала для школьной учительницы, после чего начала рифмовать и перекладывать на бумагу различные чувства и переживания, создавая так называемый собственный лирический дневник. В данный момент живёт в Сургуте, воспитывает дочь.

А утром проснёшься легко и свободно,
И к небу поднимешь свой взгляд,
И, молча ко лбу приложив подорожник,
Дорогу отыщешь назад.

* * *

Заплаканное небо людям мстит
Холодным неприветливым дождём.
В твоих руках дрожит кленовый лист,
Мы в старом палисаднике вдвоём.

Ты хмуришь брови и бросаешь взгляд
На поседевшие за ночь поля:
“Наташка, скоро утки полетят,
Как жаль, что я сегодня без ружья!”

Потом, окурок притоптав ногой,
Читаешь мне рубцовские стихи,
И между строчек: “Я хочу с тобой
Смотреть, как улетают журавли”.

А я молчу, и стынет на губах
Рябиновая кроткая печаль.
“Я не могу, мне завтра уезжать...”
И словно эхо за рекою: “Жаль...”

* * *

Умоюсь не водой — росой,
В туман, как в саван, завернусь,
По лезвиям осок босою,
Печальноокою пройду.

Осенней ясностью не трогай,
Не плачь над сонною травой,
А просто попроси у Бога
Мне возвращения домой.

* * *..

Здравствуй, Елена! Как тесен мир
И непреклонна планета...
Видишь, Елена, выжил Ахилл,
Бег — вот его примета.

Видишь, Елена, падают ниц
Люди и их кумиры.
Что им до знойного блеска цариц
И до растоптанной лиры?

Что им до тяжелой усталости век,
Стоит ли думать о малом?
Люди приветствуют яростный бег,
Бег под его началом!

Зря ты, Елена, прячешь глаза —
Молод Ахилл и прекрасен:
Солнце, песок, звездопад и гроза —
Всё в нём. Раскован и ясен

Взгляд его. Жесты резки и просты,
И неподвержены тлену.
Что же, Елена, оплачь и прости
Мир, не простивший измену.

* * *

Какое море в глазах ночных!
Седое море... И воздух — тих,
И воздух — светел, и я одна —
Подруга ветру, дождю жена.

Пусты ладони: ни дать, ни взять.
Ночное море для нас — кровать.
Нет мягче ложа и нет нежней...
А где-то помнят глаза друзей.

А где-то берег, где мох, как мех,
И сосны — в небо и выше всех,
И всех надежней, и всех мудрей...

Где мне так просто не быть твоей...

* * *

Если ты не вернёшься, я брошусь в туманную зыбь
Самой светлой и самой печальной реки.
Будет тело моё в её водах растерзанно плыть,
Пока утром его не отыщут в сетях рыбаки.

На деревню прольётся тогда колокольная грусть,
Старых сплетниц слова разобьют вековую скрижаль.
Пусть я знаю всё это давно и уже наизусть,
Всё равно ничего, ничего, ничего мне не жаль.
Пусть кладбищенский тополь, шутя, укачает в ветвях,
Пусть покроются руки и ноги холодной росой —
Растворюсь в этих землях и буду без просыпу спать,
Если ты не придёшь, если ты не вернёшься домой.

Сургут